

Dohnal, Josef; Novikov, Nikolaj Ivanovič

Николай Иванович Новиков (1744-1818)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 85-91

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130396>

Access Date: 24. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Николай Иванович Новиков

(1744–1818)

Н. И. Новиков вошел в историю русской литературы как выдающийся публицист, основатель журнала «Трутень», вступившего в прямую полемику с Екатериной II. Сама Екатерина II поощряла сатирическую литературу, создав для основания журналов более свободные условия. Как назывался журнал, основанный Екатериной II, выражающий ее взгляды и полемизирующий с «Трутнем»?

После закрытия «Трутня» Новиков издавал и другие журналы – найдите в подходящих источниках их названия.

Н. И. Новиков стал также издателем памятников русской истории – какое собирательное название он для них нашел?

ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1769 год
месяц май

Они работают, а вы их труд ядите.
Г. Сумар. в XLIII притче, I книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож, верно, не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования; но со всем

тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее; но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным; но леность не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно; но леность препятствует: словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лености и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома. Для того только, что леность одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что леность не допускает. От лености никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение. Надлежит знать все проницательности, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануто, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: «Дай за работу»; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания; а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен

я в обществе? *Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением: но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием «Трутня», что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, но исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможенне присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: «Г. издателю «Трутня». Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0050-1.shtml

ИЗ ПЕРЕПИСКИ „ТРУТНЯ“ СО „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНОЙ“ **„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“. 29 МАЯ**

На ругательства, напечатанные в „Трутне“ под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим заметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потаччиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может стать, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы

черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

„ТРУТЕНЬ“. ЛИСТ VII. 9 ИЮНЯ

Издатель „Трутня“ обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издалика и с улыбкою взирает он на брань „Всякия всячины“, относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ЛИСТ VIII. 16 ИЮНЯ

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе „Трутня“ ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким

изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист „Трутня“ уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластия свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключая моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист „Трутня“ ответственность не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то, кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравочений. На то отвечаю: что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

6 июня, 1769 года.

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. 27 АПРЕЛЯ

Расставание, или последнее прощание с читателями

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь: бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает; но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено: я бросил его опять, беру другое и хочу изъявить состояние души моей; но печаль затмевает рассудок; с какою скорбью возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подьячий, как читал указ *о лихоимстве*, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться; не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имени, пустить их по миру, а имение, незаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал Кашей, когда несправедливо захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый Злорад, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет? печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю: буквы, мною написанные, кажутся малы и, следовательно, не могут изъянить великость оныя. Я черню и перечеркиваю, засыпаю песком: но ах! вместо песошницы я употребил

чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лицо и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшись с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей: но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнаете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? так-то вас печали других трогают? теперь не удивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами; но увы! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез: жестокие! вместо пропролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем не возможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0060.shtml

